

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

КНИГИ
КЕЙТ АТКИНСОН

Музей моих тайн
Человеческий крокет
Витающие в облаках
Преступления прошлого
Поворот к лучшему
Ждать ли добрых вестей?
Чуть свет, с собакою вдвоем
Жизнь после жизни
Боги среди людей

КЕЙТ АТКИНСОН

ВИТАЮЩИЕ *в облаках*

КОМИЧЕСКИЙ РОМАН

Санкт-Петербург

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
EMOTIONALLY WEIRD
Copyright © 2000 by Kate Atkinson
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Аткинсон К.

А 92 Витающие в облаках : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-09972-2

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбить и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия».

Итак, познакомьтесь с Норой и Эффи; Нора — мать, а Эффи — дочь. На крошечном шотландском островке, среди вересковых пустошей и торфяного мха, они укрываются от стихий в огромном полуразрушенном доме своих предков и рассказывают друг другу истории. Нора целует жаб, собирает крапиву на суп и говорит о чем угодно, кроме того, о чем Эффи хочет услышать, а именно — кто же ее отец. Эффи рассказывает о своем приятеле Бобе, который давно перестал ходить на лекции по философии, почти не вылезает из кровати, и для него «клингоны не менее реальны, чем французы и немцы, и уж куда реальнее, скажем, люксембуржцев». Тем временем кто-то, возможно, следит за Эффи; кто-то, возможно, убивает стариков; и куда-то пропал загадочный желтый пес...

Впервые на русском.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Т. Боровикова, перевод, примечания, 2018
© Н. Хоменко, послесловие, примечания, 2018
© А. Гузман, примечания, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа «Азбука-Аттикус», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09972-2

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Мертвый сезон

(первый вариант)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

1

Инспектор Джек Баклан въехал в город Моревилль-на-Море по дороге, идущей вдоль побережья. Сегодняшнее солнце (впрочем, инспектор знал, что солнце всегда одно и то же) уже весело карабкалось по небосводу. Было чудесное утро. Жаль, что его испортит вынужденный визит на «Госпожу Удачу» по поводу ее груза – одной дамы, весьма неудачливой. И к тому же мертвой. Джек Баклан вздохнул. День ото дня его работа не становилась легче. Он служил в полиции уже столько лет, что ему даже не хотелось об этом думать. Он был обычный, старомодный детектив. Безо всяких странностей и чудинок – он не разгадывал кроссворды, не был бельгийцем и тем более женщиной. Он был человеком на своем месте. Но счастлив он не был. Ему не хотелось в такое чудесное утро возиться с трупами. В особенности на пустой желудок.

Мадам Астарти пока не знала о трупе. Она пыталась разлепить веки. Они были намертво склеены сном, тушью и вчерашним джином (да, это был явный перебор) в «Крабе и ведре» в компании Сандры и Брайана. Мадам Астарти вздохнула и ощупью нашарила на тумбочке у кровати зажигалку и пачку «Плейерс». Ей нравился запах табака по утрам.

Чайки били чечетку на крыше, возвещая, что в Моревилль-на-Море пришел новый день. Сквозь щель меж занавесками виднелось солнце цвета яичного желтка. Восход, подумала она, маленькое ежедневное чудо. Вот будет забавно, если однажды утром солнце не встанет. Впрочем, не очень забавно – ведь тогда все живое на Земле погибнет. Настанет подлинно мертвый сезон.

• 1972 •

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Кровь от крови
и кость от кости

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Моя мать — девственница. Можете мне поверить. Моя мать, Нора, — полыхающий каледонский маяк — утверждает, что не тронута рукой мужчины и чиста, как Жанна д'Арк или свежевывавший снег на Грампианских горах. Если бы полиция выстроила несколько женщин в ряд, как на опознании, и попросила вас выбрать среди них девственницу, вы бы никогда, ни за что не выбрали Нору.

Значит, я — дитя чуда и волшебства? Может быть, накануне моего рождения в ночном небе явились знаки и предвестия? Может быть, Нора — Пресвятая Дева? Нет, конечно.

Если верить моей метрике, я родилась в Обане, а это, по-моему, совсем неподходящий город для второго пришествия. Нора окутала начало моего земного бытия таким туманом, такой тайной, что я выросла в уверенности: я не иначе как принцесса инкогнито, королевской (истинно голубой) крови, и жду лишь дня, когда смогу без опаски вступить в права владения. Теперь оказывается, что все гораздо сложнее.

Мне двадцать один год, и меня (насколько мне известно, — кажется, у нас ни в чем не может быть полной уверенности) зовут Эвфимия Стюарт-Мюррей. Уменьшительное — Эффи. В честь Нориной сестры, которая утонула в реке в день, когда родилась я. Самой Норе было всего семнадцать лет, когда я вошла в этот материальный мир. Дитяти пришлось воспитывать дитя, как говорит она.

Конечно, из Стюартов-Мюрреев я никого не знаю. В моем детстве не было ни доброго дедушки, ни дядьев, всегда готовых со мной поиграть. Нора никогда не гостила у брата, не вспоминала с задумчивой нежностью

о матери. Даже само имя нашего рода звучит для меня непривычно, ибо всю мою жизнь мы с Норой обходились гораздо более прозаической фамилией, Эндриус. А если у человека нет уверенности в собственном имени, в чем он вообще может быть уверен? Моя мать так мало общается с родственниками (а родственники — с ней), что, может быть, ее вынесло на берег волной в перламутровой раковине или она выпрыгнула, уже взрослая и соразмерная, из головы какого-нибудь гневного бога, и в жилах ее течет холодная золотая жидкость.

Нора всю мою жизнь упорно молчала о нашей родне. Единственное, что она мне открыла, — мы исходим из того же рода, что Мария Стюарт, и пороки этой давно почившей королевы настигают нас из поколения в поколение. Особенно, по словам Норы, склонность выбирать не тех мужчин. Но мне кажется, эта черта характерна не только для Марии Стюарт и даже не только для представительей рода Стюартов-Мюрреев.

Я вернулась домой — если это можно назвать домом, ведь я никогда здесь не жила. Моя жизнь — сплошные парадоксы. Я забралась на крайний запад — дальше просто некуда, между нами и Америкой только океан. Я на острове в этом океане. Пятнышко торфа поросло вереском и оцетинилось чертополохом. С Луны его не увидеть. Остров моей матери. Нора говорит, что это не ее остров и что сама концепция землевладения лишена смысла, более того — идеологически неверна. Но хочет того Нора или нет, она владычица всего, что видит глаз. Хотя это — большей частью вода.

Мы не одни. Остров кишит упорной шотландской живностью — зверями в толстых шубах и злобными птицами. Они снова захватили эту землю, когда люди покинули ее ради удобной жизни на материке. Нора — она из тех, кто вечно плюет против ветра, — совершила путешествие в обратном направлении, покинув удобства Большой земли ради этого заброшенного клочка суши. Впрочем, под «Большой землей» мы не всегда подразумеваем материк как таковой. Часто имеется в виду соседний остров, чуть больше нашего. Так съежился наш мир.

Нора, вечное перекаати-поле, блуждающая звезда, диаспора из одного человека (двух, считая меня), провела годы моего детства в изгнании с родной земли, порхая с одного английского морского курорта на другой, словно охваченная синдромом навязчивых картографических действий, гонящим ее мерить шагами побережье. Глядя на нас, можно было подумать, что мы — отдыхающие, чей отпуск никогда не кончается.

Раньше я задавалась вопросом: может, Нора начала путешествие на мысу Край Земли и теперь пытается попасть в Джон-О'Гроутс? Впрочем, я бы не смогла объяснить, зачем ей это. Конечно, она шотландка, но ведь миллионы шотландцев живут себе спокойно, и их за всю жизнь ни разу не тянет в Джон-О'Гроутс.

Теперь она говорит, что умрет здесь, на острове. Но ей всего тридцать восемь лет — не собирается же она умирать так рано? Нора говорит, что все равно когда умирать — что наша жизнь лишь иллюзия. Может, это и так, но холодный дождь все равно пронизывает до костей, а шквалы треплют нам волосы. (Мы здесь поистине открыты буйству непогоды.) И вообще, я не верю, что Нора когда-нибудь умрет. Мне кажется, она лишь изменится. Она уже начала меняться, она превращается в тварь стихий, с морской водой вместо крови и известняковыми костями. Она деэволюционирует, уходит все глубже в древнюю, рыбью часть мозга. Может быть, скоро она уползет обратно в царство Нептуна и заявит свои права как наследница каких-нибудь -завров. Или станет чем-нибудь монументальным — горой в ледяной шапке, усыпанной валунами, или пузырящимся ручейком с водой, бурой от торфа, что сбегает к морю, неся в себе молодь угря, колюшку и пузырьчатые зеленые водоросли.

Меня привязывают к неизвестным, позабытым Стюартам-Мюрреям спирали плоской, как ленточные черви, ДНК. Мы все, живые и мертвые (мертвых, кажется, больше), — светящаяся молекулярная звездная пыль, галактический мусор из бактерий и микробов. Наши вены — цвета дельфиниумов и люпинов, наша артериальная кровь — лихорадочный отвар давленных лепестков герани и оранжерейных роз, разведенных плазмой, похожей на сопли, а...

~ Ша! ~ говорит Нора. ~ Не болтай чепухи. В наших жилах течет кровь древних воинов, берсерков, завоевателей. А на вкус она отдает ржавым оружием и коваными монетами. Мы не из тех стойков, что перерезали себе хилые вены, похожие на тростинки, и тихо уплывали по ручью собственной крови. Мы надевали латы и рубили в капусту врагов.

Стюарты-Мюрреи, оказывается, были обоерукими (или двурушниками) — они боролись с англичанами, но и вставали с ними плечом к плечу на защиту империи и поддержке эксплуатации. Стюартов-Мюрреев водили в бой Брюс, Уоллес за собой. Стюарты-Мюрреи участвовали в каждой потасовке, заварушке и стычке на протяжении всей кровавой истории Шотландии.

А где же теперь мои безрассудные предки? Нора говорит, что род оборвется дочерьми. То есть мной. Выходит, я — последняя дочь рода Стюартов-Мюрреев.

Я молодая женщина из плоти и крови, из конфет и пирожных, и сластей всевозможных, и из молекул, когда-то составлявших тела мертвецов. У меня тонкие кости — они легко ломаются и трескаются (и это меня огорчает). У меня ступни Норы — узкие в подъеме и широкие с той стороны, где пальцы. У меня ее любовь к сентиментальной музыке и ее ненависть к брюссельской капусте. Темпераментные волосы у меня тоже от матери — такие обычно встречаются в воображении художников, и когда их видишь на голове у живой женщины, это отчасти пугает. Норины волосы — цвета ядерных закатов и имбирной коврижки, в которую переложили пряностей. У меня, к сожалению, те же кудряшки в форме штопора больше похожи на клоунский парик, а цвет их тяготеет к морковному.

Мой родной язык тоже унаследован от матери — когда я была ребенком, мы жили так замкнуто, что я переняла ее акцент, хотя впервые попала к ней на родину, лишь когда мне исполнилось восемнадцать.

Некоторые люди всю жизнь проводят в поисках себя, хотя потерять себя, даже если очень постараться, не выйдет (вы только гляньте, я на этом паршивом островке уже превратилась в паршивого философа). С момента зачатия наше «я» — как узор у нас в крови. Оно впечатано в кости, словно окаменелости в приморский камень. Нора, напро-

тив, не может понять, откуда люди сами знают, кто они, — ведь все молекулы, все клетки в человеческом теле успевают смениться несколько раз с момента рождения.

Иные утверждают, что человек — не более чем пучок сиюминутных впечатлений, другие — что он состоит исключительно из воспоминаний. Мое самое первое воспоминание — как я тону. Видимо, меня, как и мою мать, явно тянет к чернухе. Может быть, я живой пример переселения душ? Может, душа тонущей Эффи выскочила из тела и влетела в мое, новорожденное?

~ Будем надеяться, что нет, ~ говорит Нора.

Память, конечно, ненадежна — она принадлежит не миру разума и логики, но миру снов и фотографий: оттуда тянешься Танталом к истине и реальности — не дотянуться, как ни старайся. Почему я знаю, — может, я выдумала то водяное воспоминание, бестелесное, как сама вода, или вспомнила кошмарный сон и приняла его за явь. Но разве не любой кошмар происходит наяву?

Прежде чем Нора поставила себе цель (стать куском пейзажа), она всегда была рассеянной и легко отвлекалась. Позабывтая дочь Мнемозины. Как еще объяснить то, что она забыла Стюартов-Мюрреев, а главное — ужасные обстоятельства моего рождения?

Мы идем вдоль утесов, на которых гнездятся тупики. Утесы отвесно уходят в холодное бурлящее море. У нас над головами хоровод пронзительно кричащих птиц — бакланы, кайры, олуши — выводит затейливые ауспиции, которые нам не прочитывать.

Отсюда виден почти весь остров — большой дом, где мы живем, пустоши, заросшие папоротником, вереском и мокрым, пружинящим торфяным мхом, а за ними — более плодородные, покрытые желтеющей травой равнины, приют кроликов и диких кошек. Последние — чудовищно безобразный плод генетической изоляции, потомство всего одной пары сиамцев, привезенных сюда на каникулы какими-то давно забытыми Стюартами-Мюрреями. Ибо этот остров, если верить Норе, служил для наших предков местом отдыха.

У меня нет оснований с ней спорить, хоть я и не могу понять, кому придет в голову отдохнуть на этом богом забытом клочке суши. Я думаю, что даже в разгар лета

здесь царит осеннее уныние. Зимой остров выглядит так, будто ноги человека здесь не было очень давно, а может, она сюда вообще не ступала. Нора говорит, что помнит, как проводила здесь лето — ныряя в озера на скалах за мелкими бурыми крабами и серебристыми рыбешками, поедая припасы для пикника на продуваемых всеми ветрами газонах со скудной, просоленной морем травой.

Нора — женщина с прошлым, о котором она всегда решительно отказывалась говорить, и мне сейчас непередаваемо странно ее слушать. Для меня это гораздо мучительней, чем для нее, — ведь она все это годами носила у себя в голове, а для меня ее воспоминания — впервые распахнутый сундук ужасов и чудес.

Нора говорит, что мы должны закутаться в платки и пледы, как две мерзлячки-старушки, старые девы (Эвфимия и Элеонора), сидеть у камелька, в котором пылает пла́вник, и сплетать словеса о былом. По ее словам, когда она поведает мне то, что должна поведать, ее рассказ покажется мне таким странным и трагичным, что я не поверю и сочту его плодом чересчур живого воображения.

~ Скорей, скорей, ~ торопит меня Нора. ~ Мы должны рассказать друг другу свои истории. Как ты начнешь? «Одинокий рыбак поутру, выйдя на лов селедки...»? А это будет правда? Или ты намерена сочинять по ходу дела?

~ Выкинешь ли ты повседневную рутину — кипячение чайников, шум воды в унитазе, задерживание занавесок, телефонные звонки, сброшенные частицы отмершей кожи, рост ногтей и тому подобное, *ad nauseam*?¹ Неужели, ~ спрашивает Нора, ~ мы в самом деле хотим знать нудные подробности семейных ссор из-за кошки, газонокосилки, бутылки вина?

~ Нам также не нужны, ~ говорит Нора, ~ приевшиеся рассказы о бунте домохозяйки и ее героических попытках построить новую жизнь с красивым новым любовником, прелестным ребенком и хеппи-эндом. Вместо этого нам нужны убийства и зверства, сюжеты внутри сюжетов —

¹ До тошноты (*лат.*).

сумасшедшая на чердаке, кража бриллиантов, потерянные наследники, героические собаки-спасатели, капелька секса и подозрение на философию.

Прекрасно. Я начну наугад. С того дня прошло чуть больше месяца (а кажется, что он был так давно!). Действие происходит зимой. Всегда зимой. Нора — подлинная королева зимы.

Место действия — город джута, джема и журналистики, родина комиксов про семейство Брун и ребят с Бэш-стрит. Здесь ходил в школу Уильям Уоллес. Здесь находится питомник, где бережно возвращают молодое пополнение для шотландской прессы. Иными словами — Данди!

Данди. Далекий-далекий город в волшебной северной стране, к которой я принадлежу по крови, но не по воспитанию. «Север» — этот волшебный дорожный указатель сулит лед и эскимосов, белых медведей и полярное сияние. Данди, город улиц с удивительными именами: Земляничный Откос, переулок Первых Лучей Зари, Пастуший Заем, Лужайка Магдалинина Двора, Смоллзов проулок, улица Коричневого Констебля, Дорога Прелестного Склона.

Данди, построенный на застывшей магме и лаве давно погасшего вулкана, Данди с его ветхими домами из грязноватого песчаника, непостижимым акцентом жителей, отвратительной местной кухней и огромным небом над устьем реки. Прекрасный Данди, где великая река Тей расширяется и переходит в залив, неся с собой стаи лососей, сточные воды и атомы тех, кто нашел в воде свою смерть, — может, и Нориной сестры, красавицы Эффи: она утонула в день моего появления на свет, и река унесла ее по течению, как дохлую рыбу.

~ Ну давай уже, ~ говорит Нора.

Chez Bob¹

¹ У Боба (*фр.*).

УТРО ПОНЕДЕЛЬНИКА И МОИ СНЫ В НЕУРОЧНЫЙ ЧАС расколол дверной звонок — он вопил пронзительно, предвещая смерть, трагедию или внезапное большое наследство. Но это оказалось не то, не другое и не третье (во всяком случае, пока), а просто Терри. Было лишь семь утра — она, по всей вероятности, не то что встала в такую рань, а, наоборот, еще не ложилась.

Терри, маленькая и худая, была одета, как всегда, на манер безумной викторианской гувернантки. На щеках у нее играла бледность трехдневного трупа, а на глазах, несмотря на мрак неосвещенной лестницы, были темные очки *Wayfarer Ray-Ban*.

Хотя я уже открыла дверь, Терри не отпустила кнопку звонка — словно в момент, когда она звонила, ее сковало трупное окаменение. Я силой убрала ее палец, чуть не сломав его. Терри протянула ко мне руку ладонью вверх и скомандовала с лицом, лишенным всякого выражения, как у наемного убийцы:

— Твой реферат по Джордж Элиот.

— Или что? Смерть?

— Иди в жопу, — кратко ответствовала она и закурила сигарету на манер злодейки в фильме нуар.

Я захлопнула дверь у нее перед носом и вернулась в постель, к теплему, расслабленному телу Боба, с которым жила в нищете и убожестве в городской трущобе на Пейтонс-лейн, на чердаке дома, где когда-то обитал несправедливо презираемый, но благородный сердцем шотландский поэт Уильям Топаз Макгонагалл. Боб перевернулся на другой бок и пробормотал

какую-то чепуху, как обычно во сне («Леопард опоздает на поезд!», «Надо найти ту редиску» и так далее).

Боб (известный некоторым как Волшебный Боб — непонятно почему: он никогда не проявлял ни малейшей склонности к магии) был чуждым иллюзионистом уроженцем Эссекса. Он родился и вырос в Илфорде, хотя говорить старался (когда помнил об этом) с монотонным, неопределенно северным акцентом, чтобы пользоваться большим авторитетом у дружков.

Боб, как и я, был студентом в Университете Данди. Впрочем, он сам говорил, что на месте университетского начальства давно выгнал бы себя вшаей. Он очень редко сдавал рефераты, считал вопросом чести никогда не ходить на лекции, а вместо этого вел неспешную жизнь ночного зверя ленивца — курил травку, смотрел телевизор и слушал «цеппелинов» в наушниках.

Недавно Боб обнаружил, что в этом году оканчивает университет. Он уже дважды застревал на год на втором курсе — больше никому за всю историю университета это не удавалось — и почему-то очень долго полагал, что будет вечным студентом. Его заблуждение развеялось лишь недавно. Предполагалось, что Боб учится по двойной программе, на бакалавра по английскому языку и философии одновременно. Когда его спрашивали, какой диплом он собирается получить, он всегда отвечал: «Два бокала...вра!» — и приходил в восторг от собственного остроумия. Его чувство юмора было воспитано на «Шоу дебилов» и отточено группой «Мартышки». Его кумиром был Микки Доленз — еще ранних времен, когда тот снимался в программе «Мальчик из цирка». Боб был совершенно незатейливой личностью. Кроме Доленза, он обожал комиксы про кота Фрица. Его абсолютно не интересовало все, что требовало хотя бы минутной концентрации внимания. Политикой он тоже не интересовался, хотя на полке у него стояли три ни разу не раскрытых тома «Капитала». Боб был не в состоя-

нии объяснить, откуда они взялись, хотя смутно помнил, что в молодости, посмотрев «Если...», записался в секту радикальных марксистов. Он был также подвержен обычным навязчивым идеям и заблуждениям, характерным для мальчиков его возраста, — например, клингоны для него были не менее реальны, чем французы и немцы, и уж намного реальнее, скажем, люксембургцев.

В дверь позвонили снова, уже не так настойчиво, и за дверью снова обнаружилась Терри.

— Впусти меня, — слабо сказала она. — Я, кажется, что-то себе отморозила.

Терри — маленькая принцесса с американского Среднего Запада, чирлидерша, пошедшая по кривой дорожке. Может быть, там, на родине, у нее когда-то были пышущие здоровьем деревенские кузены (хотя я скорее поверила бы, что она вылупилась из яйца в гнезде доисторической птицы), но они все либо умерли, либо порвали с ней всякую связь. Отец Терри, топ-менеджер с заводов Форда, приехав ненадолго поработать в Британию, определил Терри в английскую квакерскую школу-пансион и легкомысленно оставил там, а сам вернулся в Мичиган.

Терри меняла национальность, как хамелеон — цвет: ее предками были то итальянцы, то евреи, бежавшие от погромов, то русские, то кто-то откуда-то с Востока. Только я знала про обыденную смесь ирландских моряков, голландских молочников и бельгийских шахтеров, которые по странной генетической случайности породили девушку с внешностью экзотической гурии, загадочной одалиски из стихов По. Это была самая прекрасная дружба, это была самая злосчастная дружба. Мы заменили друг другу сестер, которых у нас никогда не было. Я жалела Терри, которая так явно не принадлежала ко всему остальному человечеству. Иногда мне казалось, что моя роль в ее жизни — быть посредницей меж нею и живыми, словно я — подручный вампира.

Терри снимала нору на Клеггорн-стрит, но не любила там бывать. Унылая квартира без горячей воды годилась разве лишь на то, чтобы держать там гроб, наполненный землей. В приступе активности (каковые с Терри случались очень редко) она выкрасила всю квартиру в лиловый цвет. Этот декор никак не помогал развеять ее собственный душевный мрак. Зато Терри, в отличие от меня, выработала четкий план на всю оставшуюся жизнь: она собиралась найти очень старого и очень богатого мужа и «затрахать его до смерти». Она не первая, кому такое приходило в голову, но я сомневалась, что в Данди найдется подходящий кандидат.

Я принялась шарить в темноте, ища свечку. На дворе стояла зима междоусобий, шахтерских забастовок и «трехдневных недель», а это значило, что света сегодня не будет. Умей я думать на шаг вперед (я боялась, что никогда этому не научусь), я бы давно уже купила фонарик. Еще я бы купила термос. И грелку. И батарейки. Интересно, сколько еще понадобится «трехдневных недель», чтобы цивилизация пришла в упадок? Впрочем, для одних людей этот момент наверняка наступит раньше, чем для других.

Из окна я видела залив, а за ним — Файф, где свет был. Дома Ньюпорта и Уормита были посажены бодрыми огоньками, и люди — более организованные, чем мы, — деловито выходили на улицу, спеша начать новый день. Будь сейчас светло, нам открылся бы великолепный вид на железнодорожный мост с идущими по нему поездами — черное кружево, изогнутое ленивой дугой через Тей, который иногда серебрился, чаще — нет, а сейчас, в едва брезжущем свете зари, походил на текущую мимо полосу смолы.

Боб все еще крепко спал. В эти ночеподобные сонные дни он бодрствовал еще меньше обычного.

— Бабочка забрала хлопья! — громко предупредил нас Боб, странствующий во сне.

— Никак не могу понять, что ты в нем нашла, — сказала Терри.

— Я тоже, — мрачно ответила я.

Меня точно привлекла не его внешность — с виду он ничем не выделялся из толпы: усы как у Сапаты, золотая серьга в ухе, сальные локоны «кавалера», спадающие на сутулые плечи. Похож он был, пожалуй, разве что на бродягу — это впечатление усиливалось из-за поношенных армейских ботинок и шинели военного летчика, в которых он обычно ходил.

Боб недавно открыл для себя смысл жизни, и это открытие, по-видимому, абсолютно никак не повлияло на его ежедневное существование.

Я познакомилась с Бобом в первую неделю своего пребывания в университете. Мне было уже целых восемнадцать лет. Мне казалось, что мое лицо начинает принимать особое библиотечкарское выражение, и я боялась, что останусь на всю жизнь одна и буду вечно блуждать по пустыне, уготованной старым девам. В то утро я твердо решила потерять невинность, и по чистой случайности Боб был первым, кто встретился мне после этого.

Мы познакомились, когда он меня переехал. Он был на велосипеде, а я — на мостовой; вероятно, из этого можно понять, кто виноват. Я сломала запястье (точнее, Боб мне его сломал), и восхитительное стечение обстоятельств — драма, кровь и кареглазый мужчина — убедило меня, что судьба сказала свое слово и я обязана прислушаться.

Боб сбил меня, потому что вильнул, объезжая собаку. Человек, готовый сбить женщину, чтобы спасти собаку, вошел в мою жизнь, пока я лежала на мостовой: он склонился надо мной, уставился на меня в изумлении, будто сроду не видел женщин, и произнес: «Вот же блин».

Собака вышла из этой переделки невредимой, хоть и слегка удивленной, и была возвращена слезоточа-

щему хозяину. Боб поехал вместе со мной в «скорой помощи» в Королевскую больницу, и его пришлось держать — он рвался надышаться веселящим газом.

Терри наконец сняла темные очки (после того, как споткнулась о ботинки Боба, неосторожно брошенные на пути). Сосуществование с Бобом имело массу недостатков, и не последним из них была его способность создавать неопишемое количество самовоспроизводящегося хаоса, который постоянно грозил его поглотить.

Поскольку света не было и еды в доме — тоже, мы устроили воображаемый завтрак. Терри выбрала горький шоколад и гренки с корицей, а я — «Домашний чай» из лавки Брэйтуэйта с хорошо пропеченной белой булочкой от Катберта — снаружи хрустящая темная корка, внутри воздушный белый мякиш. Но мы остались голодными — словами ведь не наешься.

— Ну что ж, раз мы не спим в такую рань, то хотя бы успеем к Арчи на семинар, — сказала я без особого энтузиазма, но тут заметила, что Терри уснула.

Ей следует побережться — она как раз из тех людей, с пониженным метаболизмом, которых часто хоронят заживо в семейных склепах и стеклянных гробах. В некоторых аспектах (не во всех) Терри стала бы идеальной женой для Боба: они просто проспали бы всю свою супружескую жизнь. Рип ван Винкль и великая княжна Анестезия, потерянная сонная наследница династии Романовых.

Я слегка ущипнула Терри и сказала: «Ты же знаешь, нам нельзя...», но тут сонное колдовство одолело и меня.

Иногда мне кажется, что мы все, неведомо для себя, участвуем в клинических испытаниях препарата с действием, обратным действию спидов. Наверно, его можно было бы выпустить на рынок под названием «медляк». Может, потому у меня и возникло ощущение, что за мной наблюдают: это замаскированный

лаборант изучает воздействие медляка на ничего не подозревающую лабораторную мышку. Потому что я точно знала: за мной следят. («Ты же помнишь поговорку, — сказал однажды Боб, неудачно пытаюсь меня успокоить, — если вы параноик, это еще не значит, что за вами не охотятся».)

Уже несколько дней я ощущала на себе взгляд невидимого наблюдателя. Чувствовала, что по моим следам неотступно и неслышно бегут ищейки. Я надеялась, что это лишь фантом чересчур развитого воображения, а не начало параноидального нервного срыва и галлюцинаций, которые приведут меня в запертую палату в местной психиатрической больнице, расположенной в деревне под названием Лифф. («Ешь больше колес», — посоветовал мне Шуг, приятель Боба.)

Я вздрогнула и проснулась. Моя голова неудобно лежала на краю Витгенштейнова «Трактата», и угол книги больно врезался мне в щеку. Терри поскуливала — опять во сне гоняет кроликов.

Я растолкала ее:

— Пойдем, а то опоздаем.

Недавно я твердо решила — понимая, что на последнем курсе давать себе такие обещания поздновато, — ходить на все положенные лекции, коллоквиумы и семинары. Это была безнадежная попытка втереться в милость к преподавателям — как можно большему количеству преподавателей кафедры английского языка: я настолько выбилась из графика со всеми заданиями, что вряд ли меня даже допустят к итоговому экзамену, а уж вероятность того, что я его сдам, и вовсе стремится к нулю. Я не понимала, как это у меня получилось так отстать, особенно когда я изо всех сил старалась успевать к сроку.

Терри отстала еще больше, чем я (если такое вообще возможно). Реферат о Джордж Элиот («„Мидлмарч» — сокровищница деталей, но как целое не особо